

Воля Твоя...

1935 год. Москва. Репрессии против баптистов и евангельских христиан приобрели массовый характер. Кого расстреливали, кого ссылали. Без суда и следствия. Ничего не стоило «отхватить» 5 лет лагерей просто за то, что тебя видели, как ты пожимал руку баптисту. Проводя собрания, все то и дело оглядывались на дверь: в любую минуту могли войти люди в военной форме и увести в неизвестном направлении...

1.

В доме Павловых часто собирались верующие. За их спинами пока было тихо. Постоянно меняя время собраний, им еще удавалось оставаться в тени. Да и глава семьи, Павлов Николай Иванович, был уважаемым человеком, военным. Вместе с женой воспитывали детей-двойняшек, Катю и Андрея, совсем еще младенцев, по 3 месяца от роду.

Вот и сегодня поздно вечером в их уютном доме собрались друзья. Все убежденные искренние христиане, готовые жизнь отдать за Христа. Обсуждали последние новости о начале гонений. Страх не было, а лишь твердое упование и огромная вера. Петить гимны было опасно, поэтому больше молились, просили защиты, но всегда заканчивали словами: «Да будет воля Твоя».

Николай Иванович больше всего переживал за сына и дочь. Слухи о том, что детей баптистов разлучают с родителями, носились по Москве последние 3 недели * «Но да будет воля Твоя».

2.

□ Что-то на сердце не спокойно, □ Николай Иванович подошел к дверям, прислушался. Все было тихо. Выглянул в окно – никого.

Дочка спала в кроватке. Жена с сыном на руках ходила по комнате: не мог он уснуть без мамы. Хозяин дома нежно посмотрел на детей. Что с ними будет, если его посадят? Нет, надо гнать от себя такие мысли... но на сердце было тревожно.

Послышались шаги, а потом □ стук в дверь. Муж и жена переглянулись. Кто бы это мог быть? В такое позднее время * Стук повторился. Тянуть дальше было нельзя. Николай Иванович открыл дверь - люди в военной форме вошли тихо...

Все стало понятно без слов. «Только бы детей не трогали», - родители обменялись взглядами. В воздухе повисла какая-то зловещая тишина. С минуту все молчали. Николай Иванович хотел было уже идти собираться, как один из них, по-видимому, главный, заговорил:

□ Давно за тобой слежу, Павлов! Все не мог поверить, что военный может быть баптистом. А пришлось поверить. Одумайся, ведь сошлют туда, откуда мало кто возвращается!

- И вы вчетвером пришли мне об этом сказать?

- Да, вчетвером. И не только сказать, но и забрать кое-что, - главный махнул остальным.

Двое подошли к жене. Один из них забрал спящего ребенка. Все произошло так быстро, что никто, ни сама мать, ни Николай Иванович, не успели даже оглянуться. Ноги будто приросли к полу. Руки не шевелились. Только слезы текли, а в мыслях пронеслась молитва: «Только бы дочка не проснулась. Похоже, они не знают, что у нас двое детей».

Что-то говорить или делать не было смысла: незваные гости были вооружены.

- Зачем вам наш ребенок?

□ Нам нужно здоровое будущее поколение! □ холодно ответил военный. □ запомните: за вами следят. Попытаетесь уехать □ убьют без суда. Через пару недель можете прощаться с родиной.

Солдаты рассмеялись.

- А ребенка воспитают правильно, не беспокойтесь! - опять рассмеялся командир.

- Оставьте нам сына, ради Бога! - рыдания прервали слова матери.

□ Ради Бога! □ передразнил военный. □ Что ж ваш Бог вам не помогает? И не надейте. Впрочем * мы можем оставить * □ главарь лукаво усмехнулся. □ Имя, которое вы дали? Так как же нас зовут?

- Андрей... - еле слышно прошептал Николай Иванович.

Командир кивнул, и военные скрылись. Ушли так же тихо, как и пришли. Давши волю слезам, Николай Иванович с женой нашли в себе силы помолиться и поблагодарить за чудом спасенную дочь...

□ Господи! Пред Твоими очами это все совершилось. Не оставь сыночка нашего. Мы не успели рассказать ему о Тебе и поэтому просим: пошли ему верующего человека на пути, не дай ему погибнуть, ведь в Твоей руке ключи ада и смерти. Если мы не встретимся на земле, так даруй же встречу на небесах. Знаем, что Ты услышал нас, и да будет воля Твоя.

Прошла неделя. Павловым удалось узнать, что их сына отдали в какую-то приемную семью. Это было большой радостью, ведь приемная семья - это все же не детский дом.

3.

Николаю Ивановичу дали 10 лет лагерей в глухой деревушке Сибири. Без права переписки. Жена собиралась с ним. Как же увезти дочь? При проверке ошибка военных обнаружится. Оставить у друзей-христиан тоже опасно, да и невозможно: после потери сына Катя была для них единственной отрадой. Решили, будь что будет, но дочь они здесь не оставят.

Все произошло как нельзя лучше, благодетельная рука Божия была над ними. Когда их подвезли к поезду, никто, казалось, и не заметил, что жена была с ребенком на руках. Но радоваться было нельзя: сослали просто, без следствия, без документов. Не угоден □ и все. Возвращения Павлова никто не ждал: 10 лет - долгий срок.

Сына поручили друзьям. Те обещали сделать все возможное, чтобы найти Андрея. Срок пройдет. Они вернутся. Они найдут его.

Пока все складывалось удачно, и на сердце было спокойно. Казалось, что все у них хорошо: и сына не забрали, и в Сибирь они не едут * что сейчас вот-вот проснутся, и все будет по-старому: работа, встречи с друзьями * Но это был не сон. Просто охрана Господа была над неугодными стране, но угодными Ему людьми. Товарный вагон выглядел ужасно, но они были не одни.

Поезд тронулся...

4.

Пролетело 6 лет. Как они прошли, Павловым вспоминать не хотелось. Николай Иванович работал: сила позволяла. А вот жена его, по природе хрупкая женщина, плохо переносила жизнь и быт в этой глуши.

Кате шел седьмой год. Она видела, как плачет мама, как страдает отец. Почему? Но как

рассказать шестилетнему ребенку горе родителей, потерявших сына? Как передать словами то, что творилось в их сердцах?.. Катя ничего не знала о брате, она была единственным ребенком в семье. Андрей же всегда будет в их сердце, как будто и нет этих разделяющих километров...

Неожиданно однообразие жизни заключенных прервалось. Резко и, казалось, надолго. Причину узнали сразу: грянула война. Так же резко и так же надолго. Все надежды Павловых рухнули. Их мечты, что через 4 года они вернутся в Москву и увидят сына * Все развеялось как дым. Теперь это стало невозможным. Казалось, что из тупика выхода не было. Но эта семья во всем видела руку Божию. Значит, такова Его воля, ведь они всегда просили не о своих желаниях, а о том, чего хочет Бог.

Война принесла с собой голод, страдания, разрушения. Москва стояла в развалинах. Условия жизни заключенных стали еще хуже * Да к тому же очень сильно заболела жена Николая Ивановича. И, кажется, победа близка, а ее силы таяли, как церковная свеча. Но молитва их была неизменной: «Воля Твоя».

За 3 дня до освобождения Павлов остался один с 10-летней дочерью. Лагерный срок закончен, но свобода не радовала его. Огромная душевная рана болела, но верность Господу была незыблема.

5.

Москва встретила их солнечным летним днем. Катя смотрела во все глаза, ведь ее увезли, когда ей было всего 3 месяца. Да * совсем не таким она представляла город своего рождения.

На перроне было оживленно. Многих встречали. Их не встречал никто. Сквозь слезы смотрел Николай Иванович на бегущих людей, на полуразрушенные здания * Так и стояли они, держась за руки, эти два только Богу нужных человека. И Он позаботился о Своих.

Вдруг кто-то несмело спросил:

– Николай?

Николай Иванович обернулся. Женщина лет 55-ти смотрела такими знакомыми глазами... Кто же она?

□ Вот мы и дома. Слава Богу, дом уцелел. Живите у меня пока, я ведь одна, мужа не дождалась с войны * □ на мгновение женщина смолкла. Потом, быстро смахнув слезы, стала говорить опять, будто боясь, что ее перебьют, и она не скажет самого главного. Рассказывала обо всех друзьях, погибших и живых, о церкви, о том, как сегодня почувствовала непреодолимое желание пойти на вокзал, сама не зная зачем...

Она говорила, а Николай Иванович молча молился, и его душа просто ликовала от восторга, что Бог такой мудрый и заботливый, нужно лишь полностью доверять. Вот они и не одни: сегодня Господь послал им навстречу сестру во Христе, с которой не виделись уже 10 лет, с которой вместе пели, молились, слушали Слово Божье. Какой долгий срок □ 10 лет! Как много нужно было вспомнить, как много нужно было рассказать...

Этот день принес им еще несколько встреч. Постаревшие друзья радовались его возвращению. Только не было среди них тех, кому они поручили сына. Не было, и не будет уже никогда... «Твоя воля, Господи».

Разговаривали далеко за полночь. Сколько было пережито * но Бога благодарили за все

и за эту долгожданную, чудом устроенную встречу.

– Здесь школу открывают, ты бы Катю отдал.

Николай Иванович согласно кивнул: надо начинать жить по-новому.

6.

Недолго жили Павловы по-новому. Новые порядки были не лучше старых. Верующих не любили и гнали по-прежнему. Бывших каторжников никто не ждал, да не все и вернулись.

Катя ходила в школу. Дети особо не отличались друг от друга. Все полуголодные, полураздетые. Но учеба ей давалась легко: уроки матери не прошли даром. Верующие жили одной дружной семьей, под защитой Всемогущего Отца.

И вдруг, как гром среди ясного неба, очередной срок! Опять туда же □ в Сибирь. Что за судьба? Но таких вопросов, как «почему?», «зачем?», не было. Ведь Николай Иванович обещал служить Богу и быть верным Ему, что бы ни случилось. «Такова воля Божья», □ были его единственные слова.

Теперь он уезжал один. Катя оставалась в Москве, на попечении приютившей их сестры. Ей нужно было учиться, но разлука с единственным родным человеком была невыносима.

Опять тот же поезд, тот же вагон, только вид из окна был другим: разрушенные дома, выгоревший лес * Еще 10 лет. Один, но не одинок. Где-то там, в Москве, есть друзья, братья и сестры. Есть дочь, и когда-то был сын. Жив ли он? Где он? По обрывочным и не очень достоверным данным было известно лишь одно: приемная семья его сына погибла в 42-м году, Андрею было тогда 7 лет. Если его уже нет в живых, то он с Господом □ отец твердо верил в это. А если он жив, только одна дорога □ в интернат. А сколько их, этих детских домов, интернатов? С такими же Андрееми? После войны их стало много * «Да будет воля Твоя, Боже! Не встретимся мы на земле * Только лишь верность Тебе даруй сохранить до конца!»

Николай Иванович решил не думать об этом, у него ведь есть Катя. Хоть где-то далеко, но есть! А рядом с ним, совсем близко, его любящий Отец! Причин для печали нет. На душе легко, хоть впереди ждала суровая Сибирь.

7.

«Дорогой папа! Сегодня мне исполнилось 12 лет. Без тебя здесь очень грустно. Мне тебя не хватает, очень! Москва строится. В школе оценки хорошие. Только друзей нет. Папа! Со мной не хотят дружить, потому что ты и я верующие. Меня дразнят и обзывают. Мне всегда хочется плакать. Папа, а может, Бога нет? Но тетя Света сказала, что, если бы Его не было, тебя бы не посадили в тюрьму. Конечно, папа, я верю. И молюсь. Только мне тебя очень не хватает. Ты всегда знал, что ответить, а я только плачу. Их это еще больше раздражает. Они смеются и говорят: «Помолись Богу, может, Он тебе слезы вытрет!» Больше всех смеется Савельев. Но мы ведь должны любить всех? Папа, но я его ненавижу! Я однажды его ударила, когда он на весь класс назвал меня баптисткой. Все рассмеялись, а учительница заставила меня извиниться. Но это же несправедливо, папа! Я не могу прощать, как ты. Что мне делать? Только один мальчик не смеется, Андрей Соловьев. У него нет папы и мамы. Он из интерната. И однажды он мне сказал: «Не плачь, ты должна прощать!» Я ему рассказала о Боге. Он ничего не ответил, но и не смеялся, как остальные. Андрей □ сирота, а у меня есть ты. Так что мне

все-таки легче. Папа, но без тебя все равно плохо. Тебя не будет еще 8 лет. Но ты не бойся, я буду верить и хочу быть такой, как ты! Катя».

8.

Конечно же, этого не могло быть. Николай Иванович знал, что надежда очень маленькая, но все же в Москву летело письмо: «Катя, сколько лет Андрею Соловьеву?» Ему было 14...

9.

Это было просто смешно. Отыскать в огромной стране сына, не зная, жив ли он, не зная точно фамилии приемных родителей (вроде и Соловьев), достоверно зная только одно: его зовут Андрей.

Николай Иванович смирился. Жизнь продолжается. У него есть Катя, а сына он обнимет в вечности — он в это верил! Вот вроде и легче на душе. Катины письма были большой поддержкой. Он радовался и со слезами на глазах благодарил Бога, что его дочь — искренняя христианка, хоть ей очень тяжело там, одной.

Страна, очнувшись от войны, стала понемногу подниматься на ноги. Впереди забрезжил свет. Для верующих же не было никаких перемен. Катины школьные годы закончились. С большим трудом она получала свое образование. Нет, училась хорошо, просто была баптисткой. Но пути Божьи неисповедимы, и Его рука никогда не устанет помогать. Возносимые молитвы творили чудеса. Несмотря на всяческие запреты и преграды, церкви росли, приходила молодежь, отвращаясь от коммунизма и находя единственно верную истину — в Боге. Уверовал и Соловьев Андрей. Тот самый, который не смеялся над Катей.

10.

Срок Николая Ивановича подходил к концу. О возвращении в Москву он не думал. Решил начать новую жизнь здесь, в Новосибирске. Хоть и тянуло на родину, но там, где Господь, там и есть родина.

Как быстро промчались и эти 10 лет! Что еще уготовила судьба? «Да будет воля Божья над нами».

Катя переезжала к нему. Не одна, с мужем.

— Вот у меня и сынок появился! — грустно улыбнулся Николай Иванович, встретив молодых Соловьевых.

Жизнь продолжалась. Было трудно. Светлый путь к коммунизму строился на крови верующих, ведь советское общество было объявлено «свободным от религиозных предрассудков». Но Павлова уже не трогали, махнули рукой.

Новосибирск стал родным, привычным городом. Церковь тоже стала родной и знакомой. Но все равно нет-нет и вспомнится Москва. Особенно тянуло туда Николая Ивановича. Столько лет он не видел друзей, не ходил по знакомым улицам * Каждый день старался не вспоминать о сыне, и каждый день он помнил его...

Наступили 60-е годы.

Павлов решил съездить на родину. Нет, не для того, чтобы найти сына, — пусть будет воля Божья, — а для того чтобы... Для чего? В этом он не признавался даже себе.

— Зачем, папа? — Катя боялась за отца.

Николай Иванович молчал. Молчал долго. А потом вдруг сказал тихо, но твердо:

— Затем, чтобы вернуться сюда навсегда.

11.

Павлова никто не ждал. Почти сразу же его вызвали «куда надо» и предложили добровольно и навсегда покинуть Москву. От этого хождения по кабинетам у Николая Ивановича закружилась голова. В одном его жалели, что, отказавшись от военной карьеры, он избрал какую-то «религию», в другом — качали головой, узнавая, что 20 лет лагерей не научили «уму-разуму». Но все сходилось в одном: таким людям нет части в Москве с коммунистическим светлым будущим. Вот, наконец, последний кабинет, последняя подпись, и он уезжает...

— Товарищ Савельев, к вам.

Молодой офицер взглянул на вошедшего Николая Ивановича. Бегло просмотрел характеристику:

□ Так * бывший военный Павлов Н. И. 20 лет лагерей за убеждения, представляющие угрозу для страны * Да * таким здесь не место. Ваш религиозный фанатизм тормозит построение нашего светлого будущего. И что Вы, военный, нашли в церкви? □ молодому офицеру было искренно жаль этого высокого седого мужчину.

— Когда-нибудь, ты поймешь меня, сынок...

— Я вам не сынок! — сверкнули гневом глаза Савельева.

Последняя подпись. А Николай Иванович все стоял, и в памяти вертелось: Савельев, Савельев * знакомая фамилия. А глаза □ кого они напомнили ему? Да, такие же глаза как у его жены. Но нет, этого не может быть. Он не спросит имя офицера. Он уедет в Новосибирск. Он будет жить, полагаясь на волю Божию, но сюда, в Москву, больше никогда! Слишком велика боль!

Он уехал...

А молодой офицер еще долго смотрел в окно и почему-то думал о своих родителях, погибших в 1942-м, об этом бывшем военном Павлове, которому они только что закрыли доступ в Москву. Что-то в его взгляде показалось ему знакомым...

После возвращения Николая Ивановича в Новосибирск Катя начала вспоминать:

— Савельев? Да, Савельев Андрей. Папа, помнишь, я тебе еще писала, это тот, кого я ударила. Он больше всех смеялся надо мной. Мне тогда было всего 12 * Значит, уже офицер? Но куда же ты, папа? □ Катя замолчала, смотря вслед вышедшему из комнаты отцу.

12.

— Андрей, тебе письмо, — молодая жена офицера подала мужу конверт.

Он посмотрел обратный адрес.

— От воспитательницы из интерната? Но мне вчера сказали, что она умерла.

□ Да, но вот перед смертью тебе написала, сегодня принесли, □ жена вышла, оставив Савельева наедине с воспоминаниями.

Да, он, конечно, ее помнит. Верующая она была. Все дети ее любили, и она □ всех. К Андрею же относилась как-то по-особому. Все про Бога ему говорила * убеждала верить...

Признаваясь сам себе, он уже давно не верил в «правильный путь» коммунизма, а где-то далеко внутри себя глубоко уважал людей, отстаивающих свои убеждения, пусть и через лагеря.

Он стал читать. Образы детства всплывали перед ним, как живые. Вдруг строчки

поплыли у него перед глазами: «Андрей, я могу теперь это рассказать * Родители настоящие твои не Савельевы * □ Это было как снег на голову. С затаенным сердцем офицер читал дальше, пропуская слова и целые предложения: «3 месяца тебе было * Родители твои верующие, баптисты, в Сибирь их сослали * и сестра у тебя есть, Катя. Вы вместе учились... Отец твой – Николай – военным был, только фамилию я не знаю...» Андрей больше не мог читать. Он знал, что плакать □ это слабость, но сейчас слезы, не чувствуя преграды, крупными каплями падали на письмо * Она не знает фамилию? Андрей ее знает очень хорошо! Катя в их классе была только одна – Павлова.

13.

Твердым шагом Савельев вошел в кабинет к своему коллеге:

– Можно ли вернуть высланных из Москвы?

– Что, жалость проснулась? – друг рассмеялся.

– Ты не ответил! – Андрей выглядел серьезным как никогда.

– Нет, а что случилось?

– Ничего не случилось... - Савельев вышел, плотно закрыв дверь. Закрыв навсегда.

А через два дня молодой офицер с женой выехал в Новосибирск □ на постоянное место жительства.

Анна Кушнерук (Семкулич)

July 06, 2012

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/7351>

© Copyright 2024, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com